

Поход окончен и встречает замок
Прохладою плющом увитых стен
Коня и рыцаря. Текучий воздух сладок
И пробивается из-под холщовых складок
Чужое солнце, и доспехов плен

Окончен тоже. Разомкнутся ставни.
В окне – почти прозрачный силуэт,
Как в день отъезда, безвозвратно давний.
Забытый образ, колыхнувшись плавно
В сознании, теперь – тупой стилет –

Лишь холодом обдаст. Слуге поводиья
Хозяин бросит: "Что у вас с войной?
Турнир когда? Да не молчи, отродье!
Что там жена моя? Как там угожья?
А впрочем, ладно. Видел. Бог с тобой".

Зачем, зачем вернулся ты обратно
Из тех земель пустынных, в коих был
Живой стрелой, пока в угаре ратном,
У смерти посох выбив тоекратно,
В гробах друзей себя не схоронил?

Где, восходя на горькие вершины,
Свой путь урочный с честью совершил –
С друзьями связан словом нерушимым,
Среди врагов прослав несокрушимым,
Ты сам вершиной стал среди вершин.

Где, прозревая, истинную цену
Не только фарсу бранному постиг.
Фирдоуси вкусив и Авиценны,
Преодолев черту портала сцены,
Из лож взирал на балаган интриг.

Где, от себя от прежнего всё дальше,
За шагом шаг – по звёздам, без дорог –
Стал нетерпим к слепым прожилкам фальши
В кристаллах душ. И что простил бы раньше,
Теперь себе простить уже не мог.

Что думал ты найти в родных пенатах?
Жену, к которой сердцем охладел?
В соседском замке пир? Охоту? В латах
Пустое щеголянье? Сон в палатах?
Нерыцарский для рыцаря удел!

Быть может, путь отшельника отныне
Твоё спасенье в праздной маете?
Уединишься, как Христос в пустыне,
Тревожа разум думами пустыми
И старя сердце в книжной духоте?

Не жди, не будет умиротворённых –
Ни бронзы дней, ни жемчуга ночей –
Пока в краях, тобою разорённых,

Униженных и всё ж непокорённых,
Горят планеты варварских очей.

Её очей! В них россыпью галактик
Мерцают угли рыцарской души –
Твоей души! Увы! Стратег ли, тактик,
Философ-теоретик, воин-практик,
Теперь ты – вечный пленник! И в глуши

Твоих поместий, и в столичном блеске
Одни и те же контуры – тюрьмы...
Решёток шёпот в каждом винном плеске,
Незрячим караулом дремлют фрески
Под покрывалом гибельной сурьмы.

И как дышать, когда всё в половину –
И жар огня, и воздуха слюда?
Как жить, когда вот-вот ударит в спину,
Высвобождая спящую лавину,
Хворь – экзекутор совести суда?

Надеяться на зыбкое забвенье,
Дурманом иссушающее мозг?
Летальное грозы прикосновенье?
Библейской катастрофы повторенье?
Исповедален плавящийся воск?

Не притупить – как после тяжкой битвы –
Опустошенья острые резцы.
И в мире нет ещё такой молитвы,
Чтоб сердце напоить бесстрастным ритмом,
Пока дымят сердечные рубцы.

Но есть рецепт – возьми перо и свиток,
За ночью день – смыкать не думай век –
По капле выплавляя дивный слиток –
Любви и смерти сплав – от подлых пыток
Уйдёшь по руслам стихотворных рек.

И, может быть – через века – однажды,
Вернувшись из похода, как и ты,
В попытке утоленья той же жажды,
Я прикоснусь к ветрам твоим бумажным
И удержусь, не рухну с высоты.

Ноябрь 2013 – март 2016